

Ливень стеной обрушился на город, крупные капли с шумом барабанили по каменным плитам, смывая с них следы киновари.

Шэнь Циньгэ, чьи пальцы были перепачканы серным порошком, с решимостью вдавила их в определенную точку на карте речных путей. На пожелтевшей бумаге отчетливо проступил темно-красный отпечаток, который в точности совпал с отметкой подземного канала на схеме водных артерий Юнчжоу, уничтоженной пожаром три дня назад.

— За три года Управление речных перевозок Юнчжоу выделило на борьбу с наводнениями двести тысяч лянов серебра, — она извлекла из рукава стопку счетов. Чернила, размытые дождем, расползались по камням причудливыми узорами, а вода с тихим шелестом стекала по страницам. — Но посмотрите на этот мох из заброшенных колодцев!

Она подняла стеклянный сосуд с темно-зеленым осадком, от которого исходил резкий запах серы.

— Это ядовитый мох, который появляется только после десяти лет пропитки шлаками серных руд!

Толпа взорвалась негодованием. Старики с седыми волосами широко открыли глаза от изумления, а молодые и горячие парни яростно сжимали кулаки, выкрикивая проклятия. Несколько босоногих рабочих пробились в первые ряды, и один из них, надрываясь, закричал:

— Вот почему веревки в колодцах всегда покрыты зеленой слизью!

Они швырнули на землю свои кожаные бурдюки: в мутной воде, выплеснувшейся на мостовую, отчетливо виднелись мелкие зеленые пятнышки. Холодные брызги попали на ноги окружающих, заставив их вздрогнуть.

Чиновник Ли, чей головной убор съехал набок, выглядел крайне жалко; дождевая вода непрерывными ручьями стекала по его лицу. Вдруг он, словно обезумев, бросился к той самой плите с высеченным узором канала:

— Эта ведьма подделала улики!

Он было наступил на край карты, но Сяо Юй подцепил его за шиворот складным веером, который со свистом рассек воздух. Из тайного паза в кости веера вылетела медная монета и с сухим звоном угодила прямо в паз на каменной плите, идеально вписавшись в тигриную эмблему Управления перевозок. Звон эхом разнесся в дождевом шуме.

— В прошлый Праздник середины осени господин Ли проиграл в игорном доме Пьяный бессмертный именно эту особую монету Управления, не так ли? — Сяо Юй наступил носком сапога на влажную плиту, и синие узоры на его одежде отразились в луже.

Люди ахнули. На плите отчетливо проступила уменьшенная копия карты водных путей Юнчжоу.

Шэнь Циньгэ воспользовалась моментом и резко дернула господина Ли за рукав, испачканный в грязи. От запястья до локтя у него проступили темно-фиолетовые вены — зрелище жуткое.

— Вы ведь и сами пили противоядие, господин Ли? — Она плеснула остатками содержимого сосуда ему на руку. При контакте с водой фиолетовые вены вспыхнули синим пламенем, послышалось шипение, и в воздухе разлился едкий запах серы. — Настоящее лекарство от этой хвори выглядит совсем иначе.

Она развязала поясной мешочек, и золотистый порошок подхватило ветром. Его тонкий аромат проник в ноздри людей. Несколько женщин, мучимых кашлем, вдохнули его, и синева на их лицах начала заметно бледнеть. Толпа ахнула.

В следующее мгновение в господина Ли полетели гнилые овощи и камни, застучавшие по мостовой. Сяо Юй внезапно распахнул свой черный плащ, словно щит, закрывая Шэнь Циньгэ от летящей грязи. Плащ хлопал на ветру, и на нем, проступив от влаги, отчетливо проявился знак сокола — символ Павильона Теней.

Когда он наклонился, капля дождя скатилась с его кадыка прямо на шею Шэнь Циньгэ. От ледяного прикосновения она вздрогнула.

— Девушка Шэнь, когда вы разоблачаете коррупционеров, вы выглядите даже более грозной, чем когда ставите иглы.

Уши Шэнь Циньгэ вспыхнули. Она хотела отступить, но он крепко сжал ее запястье. От тепла его руки сердце невольно забилось чаще. Сяо Юй, словно невзначай, вложил ей в ладонь холодный предмет — это была украденная прошлой ночью печать судьи медицинской палаты. На ее основании виднелись три свежие насечки, складывающиеся в иероглиф Юй.

— Господин, берегитесь! — пронзительный крик Лю Жуянь разорвал пелену дождя.

Из рукава господина Ли блеснуло лезвие. Отравленный кинжал со свистом метнулся к сердцу Шэнь Циньгэ. Сяо Юй подхватил её и крутанул, уходя от удара, а серебряные нити его веера сплелись в воздухе в тонкую сеть. Лезвие перерезало три нити, но на четвертой замерло — медная курительная трубка А-Фу намертво зажала плечо нападавшего, глухо ударившись о кость.

— В реестре посещаемости Управления всё записано четко, — Сяо Юй придавил сапогом дергающееся запястье чиновника. — Каждое седьмое число месяца серную руду перевозит караван мулов вашего шурина.

Гром расколол небо над Восточной улицей. В воздухе потянуло гарью — сера начала гореть, запах стал настолько густым, что люди зашлись в кашле. Шэнь Циньгэ уставилась на обрывок обгоревшей бумаги, прилетевший к её ногам, — на нем виднелась часть печати Юнчжоуского Управления.

Едва она присела, как Сяо Юй выпустил рукавную стрелу, пригвоздив к стене человека в сером, пытавшегося скрыться в толпе.

— Лю Жуянь, будь добра, отведи людей к аптеке на Западной улице, — Шэнь Циньгэ передала ей мешочек с лекарством, а затем кончиком пальца, испачканным в сере, быстро начертила на ладони Сяо Юя иероглиф Огонь.

В дыму за дождевой завесой послышался треск лопающегося дерева — опасность подступала всё ближе. Дождь начал стихать, капли стали редкими и мягкими.

Шэнь Циньгэ раздала указания. Она схватила серный порошок и сыпала им карту на камнях; порошок, смешиваясь с дождевой водой, образовал стрелки.

— За три дня запечатать все входы в подземные каналы, засыпать негашеной известью все колодцы, где завелся ядовитый мох!

Рабочие схватили лопаты и бросились к восточной части города; железо с грохотом ударялось о землю.

— Колодезную воду фильтровать через три слоя грубой ткани, при кипячении добавлять три листа полыни! — Лю Жуянь, прижимая к себе лекарства, сновала в толпе, раздавая порошок самым больным.

А-Фу наступил на подол халата господина Ли и, сорвав с него нефритовый крючок для пояса, принялся использовать его как пестик, бормоча:

— Из этого нефрита выйдет порошка на двадцать банок!

Сяо Юй, прислонившись к коновязи, наблюдал, как Шэнь Циньгэ пишет серебряной шпилькой по плите, окуная её в серную воду. Крошки трав, запутавшиеся в её волосах, осыпались на влажный камень золотистыми пятнышками. Вчера вечером, когда она склонилась над лекарствами, она так же убирала волосы за ухо, обнажая нежную кожу шеи, влажную от пота и подсвеченную свечой.

— Господин Сяо, если вам нечем заняться, сходите на Западную улицу, присмотрите за печью,
— Шэнь Циньгэ внезапно обернулась и поймала его взгляд.

Уши её всё ещё хранили тепло его прикосновения, но рука со шпилькой была тверда.

— Если сера соприкоснется с открытым огнем...

— То рванет, — Сяо Юй щелчком отправил монету, пригвоздив к стене стражника, подбиравшегося к ящику с лекарствами. Тот глухо охнул.

Сяо Юй подошел ближе, его темный подол коснулся её испачканного платья, а зонт отбрасывал на камни причудливую тень.

— Девушка Шэнь, вы знаете, что сейчас вы очень похожи на разгневанную...

Его насмешку прервал крик. С востока донесся глухой удар, и едкий запах серы, смешанный с дымом, накрыл площадь. Шэнь Циньгэ схватила ящик с лекарствами, собираясь бежать, но её запястье перехватила теплая рука.

— Осторожно.

Сяо Юй вложил ей в руку ручку зонта, а сам прыгнул на крышу. Дождь барабанил по нему, но он не обращал внимания. Взглянув на донесение, принесенное тeneвым стражем, он проглотил слова Огненный гром.

Три часа спустя последний колодец был заколочен. Шэнь Циньгэ вытерла со лба воду, смешанную с порошком, и тут же окунулась в тепло чашки с имбирным чаем, которую протянул Сяо Юй.

Его пальцы пахли серой от огнива, но он бережно обхватил её озябшие руки.

— Руки дочери судьи медицинской палаты должны держать не только иглы.

Раскат грома сотряс небо. А-Фу, промокший до нитки, пробился сквозь толпу; на его трубке болтался кусок обгоревшей ткани. Когда он прошептал что-то на ухо Сяо Юю, Шэнь Циньгэ увидела на ткани темно-красный узор — это определенно был не тигр Управления перевозок.

— Источник воды под утесом в западном пригороде... — Сяо Юй подцепил веером лоскут, и пламя фонаря осветило странный символ.

Шэнь Циньгэ вонзила шпильку в щель между плитами — вырезанный на конце шпильки цветок абрикоса идеально вошел в центр символа. Дождевые капли, стекая с зонта, попадали на знак, окрашивая его в цвет крови. Это был сокол, почти такой же, как на плаще Сяо Юя, но перечеркнутый ножевым ранением прямо по глазу.

— Господин Сяо, одолжите мне двоих, кто хорошо держится на воде, — Шэнь Циньгэ выдернула шпильку и начертила на камне полную карту водных путей Юнчжоу.

Её палец замер на точке, обозначающей утес в западном пригороде. Она подняла глаза, в которых отражались отблески далеких молний:

— Некоторый ядовитый мох можно обнаружить, только если пустить по каналам живую воду.

<http://bllate.org/book/18527/1781926>